

УДК 94

DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-163-173

Леонид Владимирович Курас,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки)

В статье рассматривается деятельность российской военно-политической эмиграции, которую курировала, поддерживала, вырабатывала основные направления её деятельности и активно использовала Японская военная миссия и Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го. Из числа именно этой эмиграции японская разведка формировала агентов и диверсантов, чья деятельность должна была быть направлена против Советского Союза и Монголии. Эмиграция имела и центральный орган – «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (ГБРЭМ), который осуществлял координацию деятельности российской эмиграции. Идеологом ГБРЭМ был атаман Семёнов. Особую опасность для СССР представлял Русский фашистский союз, имевший штаб квартиру в Харбине и отделения во многих странах мира, а также Союз казаков Восточной Азии. Причём Союз имел военизированные поселения на границе с Советским Союзом, которые рассматривались Японией как авангард для военного вторжения.

Все эти обстоятельства учитывались советской внешней разведкой, которая не только освещала российскую эмиграцию в Маньчжурии, но и противостояла разведке императорской Японии и Маньчжоу-Го, а также способствовала активной деятельности Гоминьдана и КПК в борьбе с агрессором.

Ключевые слова: Маньчжоу-Го, Япония, Советский Союз, российская эмиграция в Маньчжурии, советская разведка, Японская военная миссия, Российский фашистский союз, монархические объединения, молодёжные объединения

Leonid V. Kuras,
Doctor of History, Professor, Senior Research Associate,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Russian Military-Political Emigration in Manchukuo (on the Materials of the Soviet Intelligence)

Based on the materials of the Soviet intelligence the article examines the activities of the Russian military-political emigration that were controlled by the Japanese military mission and Manchukuo Public Security Bureau. They also supported and formed the main directions of the Russian military-political emigration's activities. From this emigration the Japanese intelligence have raised a number of agents and saboteurs whose actions should have been against the Soviet Union. The emigration has had the central agency – "The Principal office for the affairs of the Russian emigrants in Manchuria" (POREM). Ataman Semenov was the ideologist of "POREM". The most dangerous for the Soviet Union was Russian Fascist Union with headquarters in Harbin and departments all around the world, and Cossack Union in Eastern Asia. Moreover, the Union had paramilitary settlements on the border with the Soviet Union that were considered by Japan as advance guard for invasion.

All these circumstances were taken into consideration by the Soviet external intelligence. It has not only covered Russian emigration in Manchuria, but also resisted imperial Japan and Manchukuo's intelligence. Moreover, it has contributed to the activities of Kuomintang and CPC in the struggle with aggressor.

Keywords: Manchukuo, Japan, the Soviet Union, Russian emigration in Manchukuo, the Soviet intelligence, Japanese military mission, the Russian Fascist Union, the monarchic associations, the youth associations

Маньчжоу-Го: общая характеристика

А. Государство Маньчжоу-Го

Маньчжурия – историческая область на северо-востоке Китая – была местом традиционного столкновения интересов России и Японии. В 1858 г. по Пекинскому трактату

Россия получила контроль над Внешней Маньчжурией (современные: Приморский край, Амурская область, юг Хабаровского края и Еврейская автономная область). А ослабление империи Цин привело к усилению России во Внутренней Маньчжурии, где была

построена КВЖД (Харбин – Владивосток). В этот период российское правительство рассматривало проект «Желтороссии» (Дальневосточный проект Российской империи), в основе которого была полоса отчуждения КВЖД, формирование нового казачьего войска и русские колонисты. После поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. Япония усиливает своё влияние во Внутренней Маньчжурии. Во время гражданской войны в России 1918–1920 гг. Япония оккупировала Внешнюю Маньчжурию, которая стала ареной борьбы между Россией, Японией и Китаем.

В 1931 г. Япония вторглась в Маньчжурию, а 1 марта 1932 г. по решению Всеманьчжурской ассамблеи было образовано Государство Маньчжурия, которое существовало до 19 августа 1945 г. Его главой стал последний китайский император из маньчжурской династии Цин-Пу И, который в 1934 г. был объявлен императором. Девизом его правления стало «Кандэ», или «Спокойствие и добродетель». 1 марта 1934 г. Маньчжоу-Го было объявлено Великой Маньчжурской империей (Маньчжоу-ди-го) и признано 23 из 80 существовавших на тот момент государств мира, в том числе Германией, Италией, Испанией, режимом Виши во Франции, Сальвадором и Доминиканской Республикой, Японией, Словакией, Румынией, Болгарией, Финляндией, Данией и др. Маньчжоу-Го граничило с Японией, МНР, СССР, Мэнцзяном и Китайской Республикой. Столица – Синьцзин (ныне Чанчунь). В 1949 г. территория Маньчжоу-Го вошла в состав КНР.

Дипломатические отношения нового государства были установлены и с СССР (де-факто – 23 марта 1935 г.; де-юре – 13 апреля 1941 г.). Консульства СССР располагались в городах Маньчжурия, Синьцзин; генеральное консульство СССР – в Харбине. Консульства Маньчжоу-Го в СССР с 1933 г. располагались в Чите, Москве и Благовещенске.

Единственной разрешённой политической партией являлось финансируемое правительством «Общество Согласия». Собственные политические движения было разрешено организовать и нескольким эмигрантским группам, в частности русским эмигрантам. «Общество Согласия» стало основой выдвинутой японцами паназиатской концепции «согласия народов», предполагавшей самоопределение различных азиатских народов по образцу советской модели «союза народов». Концепция предполагала сосуществование различных национальностей в

рамках единого централизованного государства и самоорганизацию в рамках отдельных общин для разных национальностей. В Маньчжоу-Го были представлены монголы, маньчжуры, корейцы, японцы, мусульмане, русские эмигранты и китайское большинство. Но ключевую роль в создании и дальнейшей жизни Маньчжоу-Го играла Квантунская армия – японская группа армий на Дальнем Востоке. В дальнейшем командующий армией одновременно занимал пост посла Японии и имел право вето на решения императора Пу И.

Наряду с Квантунской армией и армией Маньчжоу-Го Советскому Союзу противодействовало Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го, которое занималось «следственной и оперативной работой с советскими перебежчиками, агентурно-оперативной работой против консульских учреждений и органов государственной безопасности СССР под руководством и в интересах разведки Квантунской армии» [28, с. 177]. В феврале 1933 г. из этнических маньчжуров была сформирована Императорская гвардия Маньчжоу-Го, которая несла гарнизонную службу в столице и охраняла императора Пу И.

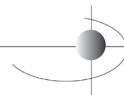
По состоянию на 1934 г. население Маньчжоу-Го составляло 30 млн 880 тыс. чел.: 29 млн 510 тыс. китайцев и маньчжуров, 590796 японцев, 680 тыс. корейцев, 98 431 представителей прочих национальностей. В деревнях проживало 80 % населения. За время существования Маньчжоу-Го население этой территории увеличилось на 18 млн чел.

Значение Маньчжоу-Го для метрополии было огромным: в 1944 г. на колонию приходилось (по сравнению с производством в Японии) 228 % добычи железной руды, 52 % – каменного угля, 85 % выплавки чугуна. Машиностроение было представлено Маньчжурским заводом по производству подшипников, Даляньским железнодорожным заводом, Маньчжурским заводом транспортных средств. В 1939 г. начали работу Фушунские заводы по сжижению угля в Фушине и в Сыпине.

Б. Численность российской эмиграции в Маньчжурии

Перед революцией 1917 г. российская колония в Маньчжурии насчитывала 200–220 тыс. чел., к ноябрю 1920 г. – около 300 тыс. и около 400 тыс. чел. к началу 1923 г. [29].

В начале XX в. ряд государств по отношению к Китаю, в том числе и Россия, обладали правом экстерриториальности. После Синьхайской революции 1911 г. в Китае началось движение за восстановление суверенитета и борьба за отмену прав экстерриториально-

сти. 23 ноября 1923 г. был принят декрет президента Китая, по которому были упразднены российские консульские дипломатические учреждения в Китае и прежние обязательства китайского правительства в отношении особых прав российских граждан в этой стране (права экстерриториальности). Это было вызвано неопределённым положением России в 1918–1920 гг. [41]. Всё российское население перешло в незавидное положение бесподанных эмигрантов в чужой стране, то есть на положение диаспоры. В течение 1922–1923 гг. не менее 100 тыс. эмигрантов получили советские паспорта и в большинстве своём репатриировались в РСФСР (большую роль в этом процессе сыграла объявленная 3 ноября 1921 г. амнистия в отношении рядовых участников белогвардейских соединений). Кроме того, в течение 20-х гг. существовала значительная реэмиграция русской молодёжи из Китая для обучения в университетах США, Австралии, Южной Америки и Европы.

В. Деятельность советской разведки в Маньчжоу-Го

К началу 30-х гг. XX в. внешняя разведка СССР обладала развитой структурой, оформившимся центральным аппаратом и десятками зарубежных резидентур с широкой агентурной сетью.

Одной из важнейших задач внешней разведки СССР в предвоенное десятилетие была работа в Китае. Исходя из принципов своей внешней политики, Советский Союз поддерживал те силы в Китае, которые боролись за независимость страны, выступали против расчленения её территории. Поэтому Гоминьдану оказывалась активная военная и политическая помощь. Советский Союз постоянно подчеркивал, что эта помощь осуществляется для отпора японской агрессии, а не для использования её во внутренней борьбе между Гоминьданом и КПК.

Советская разведка в Китае, а затем и Маньчжоу-Го осуществлялась по четырём линиям: 1) по линии разведывательного управления Штаба РККА – ГРУ РККА [36]; 2) по линии Коминтерна [2]; 3) по линии Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ – ГУГБ НКВД [4]; 4) по линии Наркомата иностранных дел СССР [26]. Кроме того, существовал Институт военных советников в Китае [44], который также осуществлял разведывательную деятельность. На VI съезде КПК (июнь-июль 1928 г. Москва) был создан Комитет по контрразведке, при котором образован Особый отдел при ЦК КПК, отвечавший за безопасность руководства ЦК партии. При этом советская разведка

в Харбине особое внимание уделяла российской эмиграции, специально освещая Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), российскую фашистскую партию (РФП), монархическое объединение, Дальневосточный союз военных, национальную организацию русских разведчиков (НОРР), легитимистов и молодёжную организацию «Союза мушкетёров» [36].

Центральные органы эмигрантов

Эмиграция – это неотъемлемое свойство исторического пути России, берущее начало с Андрея Курбского. Конечно, не только Россия, но и другие страны имели свою эмиграцию, так как всякая революция непременно порождает её. Но нигде и никогда эмиграция не приобретала таких масштабов и не достигала такого трагизма, как в России в первые десятилетия XX в. После революции 1917 г. и гражданской войны по разным оценкам Россию покинуло от 1,5 до 3 млн чел. [36]. Особую страницу в этой истории составляет маньчжурская эмиграция. Так, к началу 20-х гг. XX в. российская колония в Маньчжурии составляла более 140 тыс. чел. [25, с. 267]. Однако начало эмиграции в Китае обусловили вовсе не социальные катаклизмы, а строительство КВЖД, а также развитие его экономического и административного центра – Харбина. Именно поэтому судьба российской эмиграции в Китае – стране наибольшей концентрации российской эмиграции на Дальнем Востоке – складывалась иначе, нежели судьба российской эмиграции на Западе. «Русский Харбин» [33] сумел сохранить свой российский облик, стал сосредоточием культурной и просветительской деятельности и не только сохранил уклад и традиции русской духовной культуры, но и развивал её ценности.

Но к началу 30-х гг. XX в. ситуация существенно меняется. По свидетельству советской разведки центральными органами эмиграции в Маньчжурии стали «Объединение российских эмигрантов» и «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (ГБРЭМ) [14; 16; 23; 39]. Главное бюро возглавил участник трёх войн, ближайший соратник атамана Семёнова, командир «Сводной Маньчжурской атамана Семёнова дивизии», развёрнутой из «Особого Маньчжурского отряда», генерал-майор от кавалерии Владимир Александрович Кислицын. При этом ГБРЭМ представляет собой административный орган, а «Объединение» – совещательный. Над ними главенствует «Токуму кикан» – «Японская военная миссия» (ЯВМ) – аппарат военной разведки Японии. ГБРЭМ имело крупные

периферийные организации: Захингайское районное бюро, Восточное районное бюро и северный участок границы, отделения во всех крупных городах Маньчжурии.

Таким образом, ЯВМ вырабатывает основные направления, организует и контролирует всю деятельность белой эмиграции, в которой ГБРЭМ является исполнительным органом, а «Объединение» занимается бытовыми вопросами, снабжением, воспитанием молодёжи. Атаман Семёнов был непосредственным организатором ГБРЭМ [10]. Поэтому ЯВМ определило статус белой эмиграции в секретном «Предупреждении по вопросу об обращении с белыми русскими»: «По распоряжению властей руководство белыми русскими, включая также татар и евреев, полностью осуществляется Особыми органами, ввиду чего все серьёзные мероприятия в отношении белых русских, как аресты, содержание под стражей и т. д., могут осуществляться только после согласования этого вопроса с вверенными мне органами или его ближайшим отделением» [4, т. 1, с. 2–3]. Там же были сформулированы и задачи организации: «Быть посредствующим звеном между правительственными и административными органами с одной стороны и эмигрантами – с другой» [там же, с. 3]. Тем самым вся система ГБРЭМ представляла собой огромный резервуар кадров разведчиков и диверсантов, засылаемых японцами на территорию СССР, а также кадровым резервом для вооружённых выступлений на случай возникновения военных конфликтов между СССР и Японией.

ГБРЭМ имел семь отделов: переселенческий, культурно-просветительный, учётно-статистический, финансовый, благотворительный, военный и молодёжно-воспитательный. Особый интерес представляет деятельность переселенческого и культурно-просветительного отделов. Так, вопрос о заселении эмигрантами, и в частности казаками, пограничных районов, решался с учётом будущего вооружённого столкновения с СССР и потому напрямую зависел от ЯВМ.

Что касается деятельности «культурно-просветительного» отдела, то он фактически являлся отделом агитации и пропаганды. Причём заведующим отделом был первый заместитель начальника ГБРЭМ и одновременно глава «Российского фашистского союза» Константин Владимирович Родзаевский. Поэтому не случайно, что весь ГБРЭМ и казачество, организационно связанное с «Монархическим объединением», идеологически тяготело к фашизму.

Политические организации российской эмиграции

А. Российский фашистский союз

Деятельность русских фашистов в Маньчжурии получила серьёзное звучание в отечественной историографии [1; 5; 7; 11; 13; 18; 31; 32]. Советская военная разведка так же уделила деятельности русских фашистов особое внимание [6].

«Российский фашистский союз» (РФС) был образован в мае 1931 г. в Харбине. Сначала он назывался «Российская фашистская партия». Переименование партии в союз было обусловлено стремлением подчеркнуть универсальность организации, в которую могут объединяться лица, являющиеся членами других организаций. Программа РФС декларировала единение всех белоэмигрантских сил в единый фронт под лозунгами:

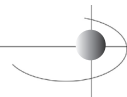
1. «Новая национальная революция».

2. «Создание национального рабочего государства, которое будет служить основой русской нации».

3. Универсальное разрешение еврейской проблемы в сотрудничестве с иностранными антикоминтерновскими силами и освобождение мира от угрозы еврейского финансового «интернационала» [там же, с. 26].

Эмблемой РФС являлась свастика в сочетании с двухглавым орлом. Знамя – белое полотнище со свастикой в центре. Политическая программа РФС заключалась в непримиримой борьбе с советской властью и осуществлении национальной революции, уничтожении коммунизма и создании фашистской России путём совместной интервенции с любой капиталистической страной. Эти задачи были сформулированы в программных документах партии, принадлежащих перу В. К. Родзаевского: «Монархия или республика», «Наше оружие», «Формы борьбы», «Фашистское мировоззрение», «Тактика В. Ф. П.», «Лицом к России», «Государство Российской нации» [13, с. 135]. Для достижения поставленной цели РФС активно использовало шпионаж, диверсии, распространение контрреволюционной литературы. Причём вся его деятельность проходила под непосредственным руководством ЯВМ.

РФС имел довольно стройную структуру: Верховный Совет, Центральная контрольная комиссия, Центральная ревизионная комиссия, Центральное управление с 10 отделами (организационный, политический, особый, военный, разведывательно-секретный, финансовый, экономический, воспитательный, церковный и отдел канцелярии), Идеологиче-

ский совет и законодательная комиссия при «Верховном совете», Комиссия по изучению СССР, Учебный совет РФС, издательство газет («Нация» – Харбин, «Наш путь» – Шанхай), Центральный совет фонда против коммунистической борьбы. В Маньчжурии организация РФС имела секции и филиалы в 18 городах [2, л. 22–23]. Кроме того, существовал аппарат «особоуполномоченных» в Японии, США, Испании, Югославии, Болгарии [24]. О разветвленности организации свидетельствует факт проведения III съезда русских фашистов, состоявшийся 28 июля 1935 г. в Харбине, на котором были обсуждены и утверждены программа и устав партии, заслушан отчет партии и осуществлены выборы Центральных органов. 48 делегатов съезда представляли фашистов Токио, Иокотамы, Киу-Сиу, Шанхая, Тяньцзиня, Явы, Персии, Сирии, Египта, Болгарии, Югославии, Польши, Эстонии, Финляндии, Германии, Италии, Нью-Йорка и Сан-Франциско, Дайрена, Имяньпо, Аньда, Цицикара, Хайлара, Маньчжурии, Модягоу и Харбинских районных организаций [1, л. 92]. Все решения съезда были согласованы с ЯВМ, а сама работа съезда проходила в присутствии офицеров Квантунской армии.

В начале августа 1935 г. в Харбине состоялось три рабочих совещания, повестка которых шла в развитии решений III съезда партии и полностью соответствовала плану специального комитета, созданного в сентябре 1934 г. при Квантунской армии. На совещаниях рассматривались вопросы об отправке на советскую территорию групп разведчиков – террористов, перед которыми были поставлены совершенно конкретные задачи:

1) провести заброс групп в район Кузбасса и Урала, где необходимо провести вербовку;

2) восстановить старую агентурную связь, законсервированную после отступления армии адмирала Колчака;

3) собрать стратегические сведения в районе Кузбасса и Урала, а также обследовать состояние аэродромов и авиационного парка в Приморье;

4) выявить возможности организации антисоветских беспорядков, вредительства, вооружённых восстаний [12, с. 182].

После нападения фашистской Германии на СССР положение русских фашистов в Маньчжурии осложнилось. Это было обусловлено осторожностью Японии в связи с подписанием 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете между СССР и Японией после поражения Японии на реке Халхин-Гол. Японская адми-

нистрация ужесточила контроль деятельности русских фашистов, а 1 июля 1943 г. ЯВМ без объяснения причин запретила РФС, который вскоре был преобразован в Союз национальной трудовой России [22, с. 93].

Конечно, русские фашисты, находясь на чужой территории в качестве эмигрантов, не могли создать масштабный диктаторский режим. Тем не менее организация представляла серьёзную политическую и военную опасность для СССР, а поддержка со стороны Японии выводила РФС в лидеры в среде эмигрантов.

Б. Монархические объединения

«Монархическое объединение» [4] было создано 26 июня 1938 г. в Харбине ЯВМ через посредничество Бориса Николаевича Шепунова с целью объединения всех белогвардейских организаций под лозунгом «За веру, царя и отечество» для борьбы с коммунизмом. На федеративных началах в «Объединение» вошли следующие организации:

1. Монархическая группа. Представляло ядро «Объединения», которое поставляло руководящие кадры монархическому движению.

2. Дальневосточный союз военных (ДВСВ) – объединение эмигрантов военных в Маньчжурии с целью сохранения кадров царской армии для борьбы с Советской властью [3].

3. Союз казаков Восточной Азии. Основная задача заключалась в сохранении кадров казачества для выступления против СССР в качестве авангарда Квантунской армии [37; 38; 40].

4. Национальная организация русских разведчиков (НОРР) [35], находившаяся под покровительством великой княгини Ксении Александровны. Организация была призвана осуществлять подготовку кадров для разведывательно-диверсионной работы против СССР.

5. «Союз мушкетёров князя Никиты Александровича» [9] – для объединения эмигрантской молодёжи для борьбы с коммунизмом с опорой на монархическо-религиозное воспитание.

6. «Литературно-художественный кружок имени августейшего К. Р.» (Константин Романов) [27]. Был призван вести культурное воспитание молодёжи.

В «Монархическом объединении» имелся руководящий штаб «Объединения» из 22 чел., представлявших ГБРЭМ, Союз русских военных инвалидов, агентов ЯВМ, Торговую палату Харбина и др. Будущее отечества они

представляли в виде буферного государства на советском Дальнем Востоке, которое планировали создать с помощью японской интервенции. За годы своего существования монархисты не оправдали надежд, возложенных на них японцами, так как находились в постоянной конфронтации с РФС.

В. Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП)

«Национально-трудовой союз нового поколения» главной своей задачей видел организацию молодёжи для борьбы с советской властью посредством террора и диверсий. И хотя центр этой организации находился на Балканах, её филиалы – во всех крупных капиталистических странах, в том числе и в Маньчжурии. Но так как японцы содействовали существованию и развитию лишь тех белоэмигрантских организаций, которые работали бы в русле интересов Японии, то НТСНП начало склоняться к сотрудничеству с ЯВМ и РФС.

Военные организации российской эмиграции

А. Дальневосточный союз военных (ДВСВ)

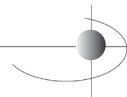
«Дальневосточный союз военных», или «Союз военных Восточной Азии», [4, т. 1, с. 38–30] являлся филиалом наиболее крупной и разветвлённой организацией «Русского общевойскового союза» (РОВС) [6], являвшегося резервом для осуществления диверсионных операций на территории СССР.

ДВСВ – это монархическая организация с ориентацией на военную интервенцию с помощью Японии. Непосредственным руководителем организации была ЯВМ, перед которой союз отчитывался о своей работе. Вся система ДВСВ делилась на три военных округа (Харбинский, Мукденский, Северо-Китайский) и на пять отделов, которые в свою очередь делились на районы. Для подготовки собственных кадров у союза функционировали военно-учебные заведения (Харбин, ст. Сунгари 2-я) и юнкерская школа на ст. Ханьдаохэнцзы. Курсы для переподготовки старшего комсостава, существовавшие при Харбинском округе, 24 января 1941 г. были преобразованы в «Общество ревнителей военных знаний», где особое внимание уделялось изучению авиации и танков. Военная подготовка велась и в школах военной молодёжи при районных организациях союза, по окончании которых молодёжь направлялась на службу в железнодорожную и лесную полицию или охранные отряды.

При Харбинском округе ДВСВ ещё имелись Морской отдел, кружок военной молодёжи. Кроме того, под контролем ДВСВ находилось 11 военных обществ: молодых офицеров и юнкеров, морских офицеров в Харбине, Читинского военного училища, воспитанников Иркутского военного училища, воспитанников Алексеевского военного училища, воспитанников Оренбургского военного училища, воспитанников Первого Сибирского им. Александра I кадетского корпуса, общество взаимопомощи Александровцев, общество Заамурцев, Харбинский отдел федерации союзов русских военных инвалидов, кружок порт-артурцев.

Б. Союз казаков Восточной Азии

«Союз казаков Восточной Азии» [4, т. 1, с. 40–42] был создан в 1938 г. ЯВМ в Харбине для объединения всех казаков, оказавшихся в Маньчжурии. Задача союза состояла в том, чтобы оказывать материально-бытовую помощь и осуществлять культурное обслуживание казачества с целью «сохранения казачьей самобытности и традиций». Но фактически японская разведка, создавая союз, ставила перед собой иную цель: использование казаков в качестве профессиональных кадров для шпионско-диверсионной деятельности на территории СССР в мирное время и как авангард для агрессии Японии в военное время. Именно поэтому японцы начали группировать разбросанных по всей Маньчжурии казаков в станицы в непосредственной близости к границе СССР. Следует обратить особое внимание на название станиц: Иркутская, имени атамана генерал-майора П. П. Оглоблина; Молодая, имени наследника цесаревича Алексея Николаевича; Молодая, имени атамана Семёнова; Оренбургская имени атамана Дутова; Сибирская, Ермака Тимофеевича; Усурийская им. атамана И. П. Калмыкова [4, т. 1, с. 107–108]. Поселенцам выдавалась ссуда на обзаведение, оружие, представлялись различные льготы. Казачество расселилось в районе Трёхречья, г. Маньчжурия, на реке Чол – на западе и в районе Муданьцзян, Ханьдаохэнцзы и ст. Пограничная – на востоке. По мысли японской разведки казачьи станицы должны были представлять войсковые подразделения по типу прежних казачьих станиц, готовые в военной обстановке к развёртыванию в сотни – посёлки, в полки – станицы, в дивизию – казачьи отделы, а союз казаков в штаб корпуса [там же, с. 41]. В станицах было широко поставлено обучение военному делу в конном строю, устраивались состязания по джигитовке, сохранялись и

культивировались старые казачьи традиции. Это подкреплялось денежными субсидиями ЯВМ на организационные расходы. Она же покрывала все расходы, связанные с расселением казачества, организацией посёлков, содержанием «Отдельного корпуса казаков» и изданием газеты «Захинганский голос».

Общепризнанным «вождём» эмигрантского казачества в Маньчжурии считался «походный атаман казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока» генерал-лейтенант Г. М. Семёнов.

Организации молодёжи

В соответствии с политикой ЯВМ бюро ГБРЭМ большое внимание уделяло развитию движения молодёжи [8]. Не случайно начальник Харбинского отделения ЯВМ генерал Янагита заявил: «Огромное значение приобретает сейчас развитие движения молодёжи, которое может явиться фундаментом будущей российской эмигрантской молодёжи и движущей силой переорганизации Восточной Азии» [4, т. 1, с. 43]. В соответствии с этим заявлением в руководящих кругах белоэмигрантов усиленно дебатировался вопрос о привлечении молодёжи к активному участию в борьбе с советской властью. Для эмиграции эта кампания конспирировалась под видом борьбы за «оздоровление быта молодёжи». Была даже создана специальная комиссия под председательством профессора И. И. Никифорова, члена украинской колонии в Харбине, близкого по своим воззрениям к РФС.

Идеологический спектр молодёжных объединений был в основном представлен монархическими и фашистскими идеями.

Из наиболее известных молодёжных организаций монархического толка можно выделить «Союз мушкетеров», «Союз крестоносцев», «Национальную организацию русских разведчиков» и молодёжные кружки в составе казачьих организаций [15].

Что касается фашистских объединений, то они были представлены Русским фашистским обществом, а на более позднем этапе – фашистскими синдикатами и Русской фашистской партией, которые создали молодёжные объединения «Общество друзей молодёжи» и «Клуб молодёжи».

Кроме того, до прихода японцев в Харбине существовали и деполитизированные молодёжные организации: «13», «Джентельмены», «Зорро», «Чёрное кольцо», «Хоба». Они отличались низким уровнем организованности, что и определяло скоротечность их существования.

С образованием Маньчжоу-Го политическая составляющая маньчжурского общества, в том числе и молодёжных объединений, стала определяющей и основным инструментом социальной интеграции. С началом Великой Отечественной войны в молодёжной среде российской эмиграции произошли серьёзные изменения. По свидетельству газеты «Захинганский голос» «значительная её часть считала Германию врагом русского народа, а следовательно, врагом эмиграции». Отсюда тенденция считать врагами всех тех, кто играет на руку германскому фашизму [4, т. 1, с. 44]. Однако основная проблема выражалась в аполитичности молодёжи, у которой, по свидетельству старшего поколения российской эмиграции, «культурный уровень в массе очень низок, интересы узки, умственные запросы ограничены». По свидетельству профессора И. И. Никифорова молодёжи свойственно «чрезмерное увлечение танцуйками, гулянками, а подчас и наркотиками», «культурный уровень молодёжи понизился, и она стала терять свой национальный облик, утратив представление о том долге, который лежит на каждом эмигранте» [там же]. Тем не менее, молодёжные организации: «Союз националистической молодёжи», «Клуб молодёжи при редакции газеты «Нация», «Авангард», «Союз авангардисток», «Казачья смена», «Отряды потешных», «Объединение окончивших учебные заведения М. А. Оксакской», «Союз окончивших учебные заведения Главного бюро эмигрантов» (в рамках которого существовали литературно-историческая, востоковедная, артистическая, музыкальная, вокальная, художественная и спортивная секции), «Союз окончивших реальное училище», «Кружок им. Ломоносова», «Союз русских девушек», «Союз фашистских крошек» – оказались в зоне особого внимания советской разведки [4, т. 2, с. 117–120].

Но стремление политических кругов российской эмиграции сплотить молодёжь вокруг политических лозунгов оказалось утопией. Нежелание следовать в фарватере политических устремлений Японии привело к конфликтам в рамках молодёжных объединений, расколам и деполитизации. Именно поэтому уже в 1943 г. Япония ликвидировала остатки эмигрантских молодёжных объединений [18, с. 22–23]. Тем не менее эмигрантские молодёжные организации оказали существенное влияние на судьбы эмигрантской молодёжи и, прежде всего, в сфере сохранения её национально-культурной идентичности, дополняя

деятельность в этой сфере таких институтов, как школа [30], семья и особенно церковь [20].

А. Христианский союз молодых людей (ХСМЛ)

Христианский союз молодых людей [16] – это крупная межконфессиональная организация, центр которой располагался в США. Через неё в эмиграции прошли тысячи молодых людей. Харбинское отделение ХСМЛ выгодно отличалось от таких же отделений в США и Западной Европы, где было сильно протестантское влияние. Причина тому сотрудничество ХСМЛ и иерархов Русской православной зарубежной церкви. Ещё в 1921 г. Синод запретил православной молодёжи создавать организации под руководством ХСМЛ, соотнося её с масонами. Но Харбинский архиепископ Мефодий не был столь категоричен по отношению к ХСМЛ, полагая, что «православная церковь должна пойти навстречу этому движению». Это позволило православному дальневосточному духовенству наладить тесное сотрудничество с Харбинским ХСМЛ.

После гражданской войны в России численность молодых эмигрантов в Харбине резко возросла и ХСМЛ совместно с Русской православной церковью (РПЦ) создавал практические школы, открывал вечерние курсы по изучению английского языка, курсы машинописи, школы шофёров-механиков, дабы помочь молодым изгнанникам выжить на чужбине. Кроме того, в рамках союза была создана воспитательно-образовательная система: детский сад, курсы дошкольного воспитания, гимназия, колледж, институт, библиотека, сеть научных обществ. Это способствовало формированию облика молодого поколения русских эмигрантов, сохранявших национальные православные традиции. Последовательность проводимой политики наиболее ярко проявилась в 1938 г., в дни празднования 950-летия Крещения Руси. Поэтому ЯВМ плотно работала с этой организацией и вербовала из числа её членов будущую агентуру.

Выводы. В своей агрессивной политике Япония рассчитывала использовать российскую эмиграцию, проживавшую на Северо-Востоке Китая. Отличительной особенностью этой эмиграции была её «двухслойность». Первый слой – это эмиграция, которая возникла ещё до 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД; второй – из числа прибывших после гражданской войны, бывших подданных Российской империи. Поэтому первая волна была представлена железнодорожниками и их семьями, различными категориями гражданского населения, занятого торговлей,

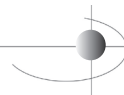
образованием, здравоохранением. В 1917 г. к ним присоединились городские обыватели, мелкие торговцы, учителя, врачи, инженеры и техники, крестьяне приграничных районов, профессорско-преподавательский состав, журналисты и литераторы, члены различных «временных» правительств.

Второй слой российской диаспоры в Китае был представлен изгнанными из России событиями гражданской войны. В их числе политические и общественные деятели, военные руководители белого движения, члены военных формирований Г. М. Семёнова, Р. Ф. Унгерна, И. М. Калмыкова, В. О. Капеля. Причём последняя группа была самая многочисленная (50–60 тыс. военнослужащих) по сравнению с военной эмиграцией в Чехословакии, Франции, Турции и др. Именно из неё формировалась наиболее активная часть белой эмиграции, именно она вела активную борьбу с советской властью с начала гражданской войны и до завершения Второй мировой войны.

Одной из существенных особенностей российской эмиграции в Маньчжурии было наличие хорошо организованной и активно действующей фашистской партии, имевшей отделения и филиалы во всех городах Маньчжоу-Го и многих странах за рубежом. Тем самым русская колония в Маньчжоу-Го представляла для ЯВМ, с учётом их планов по захвату СССР, особый интерес. В отношении эмигрантов ставились конкретные задачи: 1) обеспечить в лице русской эмиграции надёжного союзника; 2) использовать русские вооружённые формирования на случай прямого столкновения с СССР; 3) вовлечь русскую эмиграцию в идеологическую войну с мировым коммунизмом.

Японские власти взяли на учёт фактически всю эмиграцию, открыли для них специальные курсы под руководством японских офицеров для подготовки будущей агентуры с целью заброски на территорию СССР, а также сотрудников для агентурно-разведывательной работы при японских военных миссиях за рубежом. Причём вербовка, ввиду явной нехватки добровольцев, осуществлялась насильственно. В этой связи во многих городах Маньчжурии под видом школ изучения японского языка и культуры создавались специальные японские школы, готовившие агентуру.

Все эти обстоятельства, а также особенности формирования российской эмиграции учитывались советской внешней разведкой, которая не только освещала белую эмиграцию в Маньчжурии, но и умело противостоя-

ла разведке императорской Японии и Маньчжоу-Го, а также способствовала активной деятельности Гоминьдана и КПК в борьбе с агрессором. При этом советская разведка

вынуждена была лавировать между правящей партией Гоминьдан и коммунистической оппозицией, между многолетним противостоянием разведок Чан Кайши и Мао Дзэдуна.

Список литературы

1. Аблова Н. Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1999. № 2.
2. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна 1919–1943. М.: Росс. полит. энцикл., 1997. 287 с.
3. Балмасов С. С. Белоэмиграция на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2002. 576 с.
4. Белоэмиграция в Маньчжурии. В 3 т. Т. 1, 2. Чита: Управл. НКВД по Чит. обл., 1942.
5. Большаков С. Н., Кибардин В. В. Фашизм и религия. Харбин, 1936. 20 с.
6. Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский Общевоинский союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI вв. Архангельск: Солти, 2006. 522 с.
7. Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. М., 1991. С. 271–312.
8. Каргапольцев Д. С. Молодёжные объединения российской эмиграции в Северной Маньчжурии в 1929–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 34 с.
9. Каргапольцев Д. С. Союз мушкетеров в Маньчжурии (1921–1938 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. 2009. Т. 8. Вып. 4. С. 97–103.
10. Курас Л. В. Атаман Семенов и Японская военная миссия // Сибирь: XX век. Вып. 4. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 131–134.
11. Курас Л. В. Всероссийская фашистская партия (Харбин: 30-е годы) // Вопр. соц.-полит. истории (XVII–XX века). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999.
12. Курас Л. В. Кузбасс в планах милитаристской Японии в 1930-е годы // 55 лет Кемеровской области: материалы науч.-практ. конф. 27 янв. 1998 г. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998.
13. Курас Л. В. Русские фашисты в Маньчжурии в 20–40-е годы XX века // Сэнкай Ки Сибэриа, Монгору-но сэйдзи. Сякай сисутэма-но кайхэй: 1917–1941 (Сибирь в межвоенный период, монгольская политика. Системная перестройка общества: 1917–1941 гг.). Тохоку дайгаку. Тохоку Адзиа кэню сэнта (Ун-т Тохоку. Тохоку азиат. иссл. центр) – март 2006. С. 129–147.
14. Курас Л. В. Харбин – 30-е годы XX века: Главное бюро по делам российских эмигрантов // Сибирь: XX век. Вып. 5. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 105–111.
15. Малашенко Г. И. Молодёжные организации российского казачества в Дальневосточном зарубежье (1920–1937 гг.) // Ист. науки. Томск, 2004. С. 170–175.
16. Мелихов Г. В. Бюро по делам российских эмигрантов в маньчжурской империи (домыслы и факты) // Тр. Ин-та росс. истории. Вып. 8. М.: Наука, 2009. С. 190–209.
17. Мелихов Г. В. Христианский союз молодых людей в Харбине // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С. 118–122.
18. Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии (В. К. Родзаевский: трагедия личности) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109–121.
19. Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии (В. К. Родзаевский: трагедия личности) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 156–164.
20. Окорочков А. В. Молодёжные организации российской эмиграции (1929–1945). М.: Станица, 2000. 112 с.
21. Окорочков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М.: Русаки, 2001. 593 с.
22. Онегина С. Письмо В. К. Родзаевского И. В. Сталину: вст. ст. // Отеч. история. 1992. № 3. С. 92–100.
23. Онегина С. В. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 141–146.
24. Онегина С. В. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопр. истории. 1997. № 6. С. 150–159.
25. Павловская М. А. Исследование Маньчжурии и стран Восточной Азии экономическим бюро КВЖД (1921–1934 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Т. II. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998. С. 267–270.
26. Панюшкин А. С. Записки посла: Китай 1939–1944. М.: Изд-во Ин-та Дальн. Вост. АН СССР, 1981. 301 с.
27. Печерица В. Д. Духовная культура российской эмиграции в Китае. Владивосток: ДВГУ, 1998. 276 с.
28. Полутов А. В. Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го (1937–1945 гг.) // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. 2013. № 1. С. 169–181.
29. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: 2005. С. 493–519.
30. Потапова И. В. Русская школа в Маньчжурии 1808–1945 годы. Хабаровск: Частн. коллекц., 2000. 186 с.
31. Родзаевский К. В. Против ВКП(б) – ВФП! Харбин, 1936. 33 с.
32. Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. В. Ю. Жуков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 264 с.
33. Русский Харбин. М.: Изд-во МГУ, 1998. 272 с.
34. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1968. С. 282–283.
35. Терзов А. С. История и идеология русских эмигрантских молодёжных организаций на примере Национальной организации русских разведчиков (НОРП) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2009. № 15. С. 151–155.
36. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Т-во науч. изданий КМК, 2007. С. 288–352.
37. Худобородов А. Л. Казачья эмиграция в Маньчжурии в период японской оккупации (1932–1945 годы) // Вестн. Челяб. ун-а. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2002. № 1. С. 186–196.

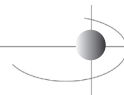
38. Худобородов А. Л. Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1997.
39. Цветков И. Б. Финансовые органы БРЭМ и их деятельность (дек. 1934 – авг. 1935 гг.) // Власть. 2009. № 6. С. 133–136.
40. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая: 1920–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 24 с.
41. Черникова Л. П. Борьба за отмену экстерриториальности в Китае и Британская империя (по материалам русской периодической печати) // Imagines mundi: альм. иссл. всеобщ. истории XVI–XX вв. № 6. Сер. 3. Альбионика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 273–283.
42. Чуйков В. И. Миссия в Китае. Записки военного советника. М.: Воениздат, 1981. 252 с.

Источники

43. Архив УФСБ России по Респ. Бурятия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4.
44. Центральный архив ФСБ Росс. Федер. Особый фонд. Н-18765. Т.1.

References

1. Ablova N. E. Rossijskaja fashistskaja partija v Man'chzhurii // Belarus. zhurn. mezhdunar. prava i mezhdunar. otnoshenij. 1999. № 2.
2. Adibekov G. M., Shahnazarova Je. N., Shirinja K. K. Organizacionnaja struktura Kominterna 1919–1943. M.: Ross. polit. jencikl., 1997. 287 s.
3. Balmasov S. S. Belojemigracija na voennoj sluzhbe v Kitae. M.: Centropoligraf, 2002. 576 s.
4. Belojemigracija v Man'chzhurii. V 3 t. T. 1, 2. Chita: Upravl. NKVD po Chit. obl., 1942.
5. Bol'shakov S. N., Kibardin V. V. Fashizm i religija. Harbin, 1936. 20 s.
6. Goldin V. I. Soldaty na chuzhbine. Russkij Obshevoinskij sojuz, Rossija i Russkoe zarubezh'e v XX–XXI vv. Arhangel'sk: Solti, 2006. 522 s.
7. Zvezda i svastika. Bol'shevizm i russkij fashizm. M., 1991. S. 271–312.
8. Kargapol'cev D. S. Molodjzhnye ob#edinenija rossijskoj jemigracii v Severnoj Man'chzhurii v 1929–1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2011. 34 s.
9. Kargapol'cev D. S. Sojuz mushketerov v Man'chzhurii (1921–1938 gody) // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istorija, Filologija. 2009. T. 8. Vyp. 4. S. 97–103.
10. Kuras L. V. Ataman Semenov i Japonskaja voennaja missija // Sibir': HH vek. Vyp. 4. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002. S. 131–134.
11. Kuras L. V. Vserossijskaja fashistskaja partija (Harbin: 30-e gody) // Vopr. soc.-polit. istorii (XVII–XX veka). Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1999.
12. Kuras L. V. Kuzbass v planah militaristskoj Japonii v 1930-e gody // 55 let Kemerovskoj oblasti: materialy nauch.-prakt. konf. 27 janv. 1998 g. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998.
13. Kuras L. V. Russkie fashisty v Man'chzhurii v 20–40-e gody HH veka // Sjenkaj Ki Sibieria, Mongoru-no sjejdzi. Sja-kaj sisutjema-no kajhej: 1917–1941 (Sibir' v mezhoennyj period, mongol'skaja politika. Sistemnaja perestrojka obshhestva: 1917–1941 gg.). Tohoku dajgaku. Tohoku Adzia kjenju sjenta (Un-t Tohoku. Tohoku aziat. issl. centr) – mart 2006. S. 129–147.
14. Kuras L. V. Harbin – 30-e gody HH veka: Glavnoe bjuro po delam rossijskih jemigrantov // Sibir': HH vek. Vyp. 5. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007. S. 105–111.
15. Malashenko G. I. Molodjzhnye organizacii rossijskogo kazachestva v Dal'nevostochnom zarubezh'e (1920–1937 gg.) // Ist. nauki. Tomsk, 2004. S. 170–175.
16. Melihov G. V. Bjuro po delam rossijskih jemigrantov v man'chzhurskoj imperii (domysly i fakty) // Tr. In-ta ross. istorii. Vyp. 8. M.: Nauka, 2009. S. 190–209.
17. Melihov G. V. Hristianskij sojuz molodyh ljudej v Harbine // Problemy Dal'nego Vostoka. 1996. № 6. S. 118–122.
18. Mel'nikov Ju. Russkie fashisty v Man'chzhurii (V. K. Rodzaevskij: tragedija lichnosti) // Problemy Dal'nego Vostoka. 1991. № 2. S. 109–121.
19. Mel'nikov Ju. Russkie fashisty v Man'chzhurii (V. K. Rodzaevskij: tragedija lichnosti) // Problemy Dal'nego Vostoka. 1991. № 3. S. 156–164.
20. Okorokov A. V. Molodjzhnye organizacii rossijskoj jemigracii (1929–1945). M.: Stanica, 2000. 112 s.
21. Okorokov A. V. Fashizm i russkaja jemigracija (1920–1945 gg.). M.: Rusaki, 2001. 593 s.
22. Onegina S. Pis'mo V. K. Rodzaevskogo I. V. Stalinu: vst. st. // Otech. istorija. 1992. № 3. S. 92–100.
23. Onegina S. V. Bjuro po delam rossijskih jemigrantov v Man'chzhurii // Problemy Dal'nego Vostoka. 1996. № 5. S. 141–146.
24. Onegina S. V. Rossijskij fashistskij sojuz v Man'chzhurii i ego zarubezhnye svjazi // Vopr. istorii. 1997. № 6. S. 150–159.
25. Pavlovskaja M. A. Issledovanie Man'chzhurii i stran Vostochnoj Azii jekonomicheskim bjuro KVZhD (1921–1934 gg.) // Rossija i Vostok: vzgljad iz Sibiri. T. II. Irkutsk: Izd-vo IGU, 1998. С. 267–270.
26. Panjushkin A. S. Zapiski posla: Kitaj 1939–1944. M.: Izd-vo In-ta Dal'n. Vost. AN SSSR, 1981. 301 s.
27. Pecherica V. D. Duhovnaja kul'tura rossijskoj jemigracii v Kitae. Vladivostok: DVGU, 1998. 276 s.
28. Polutov A. V. Upravlenie gosudarstvennoj bezopasnosti Man'chzhou-Go (1937–1945 gg.) // Vestn. Dal'nevost. otd-nija RAN. 2013. № 1. S. 169–181.
29. Poljan P. Jemigracija: kto i kogda v HH veke pokidal Rossiju // Rossija i ejo regiony v HH veke: territorija – rasselenie – migracii. M.: 2005. S. 493–519.
30. Potapova I. V. Russkaja shkola v Man'chzhurii 1808–1945 gody. Habarovsk: Chastn. kollekc., 2000. 186 s.
31. Rodzaevskij K. V. Protiv VKP(b) – VFP! Harbin, 1936. 33 s.
32. Russkaja jemigracija i fashizm: stat'i i vospominanija / otv. red. i sost. V. Ju. Zhukov. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2011. 264 s.
33. Russkij Harbin. M.: Izd-vo MGU, 1998. 272 s.
34. Spirin L. M. Klassy i partii v grazhdanskoj vojne v Rossii (1917–1920 gg.). M.: Mysl', 1968. S. 282–283.
35. Terzov A. S. Istorija i ideologija russkih jemigrantskih molodjzhnyh organizacij na primere Nacional'noj organizacii russkih razvedchikov (NORR) // Izv. Penz. gos. ped. un-ta im. V. G. Belinskogo. 2009. № 15. S. 151–155.

36. Usov V. N. Sovetskaja razvedka v Kitae: 30-e gody HH veka. M.: T-vo nauch. izdanij KMK, 2007. S. 288–352.
37. Hudoborodov A. L. Kazach'ja jemigracija v Man'chzhurii v period japonskoj okkupacii (1932–1945 gody) // Vestn. Cheljab. un-a. Ser. 10. Vostokovedenie. Evrazijstvo. Geopolitika. 2002. № 1. S. 186–196.
38. Hudoborodov A. L. Rossijskoe kazachestvo v jemigracii (1920–1945 gg.): social'nye, voenno-politicheskie i kul'turnye problemy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.: MGU, 1997.
39. Cvetkov I. B. Finansovye organy BRJeM i ih dejatel'nost' (dek. 1934 – avg. 1935 gg.) // Vlast'. 2009. № 6. S. 133–136.
40. Chapygin I. V. Kazach'ja jemigracija v ruskoj diaspore Severo-Vostochnogo Kitaja: 1920–1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2006. 24 s.
41. Chernikova L. P. Bor'ba za otmenu jeksterritorial'nosti v Kitae i Britanskaja imperija (po materialam ruskoj periodicheskoj pečati) // Imagines mundi: al'm. issl. vseobshh. istorii XVI–HH vv. № 6. Ser. 3. Al'bionika. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2008. S. 273–283.
42. Chujkov V. I. Missija v Kitae. Zapiski voennogo sovetnika. M.: Voenizdat, 1981. 252 s.

Istochniki

43. Arhiv UFSB Rossii po Resp. Burjatija. F. 2. Op. 1. D. 4.
44. Central'nyj arhiv FSB Ross. Feder. Osobyj fond. N-18765. T. 1.

Библиографическое описание статьи

Курас Л. В. Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 163–173.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-163-173

Reference to article

Kuras L. V. Russian Military-Political Emigration in Manchukuo (on the Materials of the Soviet Intelligence) // Humanitarian Vector. Series Philosophy. Cultural Studies. 2016. Vol. 11, No 4. P. 163–173.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-163-173

Статья поступила в редакцию 23.03.2016